

Каждый раз, когда моя сестра глупо рисковала, она в следующее мгновение могла умереть. Когда она прыгала с балкона, обвязавшись для страховки веревкой, и потом раскачивалась на ней, я ожидал, что ситуация выйдет из-под контроля. Через секунду я мог бы увидеть, как веревка порвется, а она упадет и разобьет голову.

Я живо воображал, как ломаются ее руки и как обмякает ее тело, когда она прыгала с воздушными шариками, в то время как к ее спине был привязан насос.

Когда она сделала ракету из пластмассовой бутылки и с нею на спине попыталась перелететь реку, я бы и бровью не повел, если бы она утонула.

Не то чтобы я хотел ее смерти, но я хотел увидеть, как она будет умирать. Вот так я раньше относился к тому, что сестра может умереть, но теперь все было иначе.

«Спасибо, что и сегодня присмотрел за Мэй. Хорошенько отдохни».

Я вздохнул, увидев сообщение от матери. Прошло уже два дня с тех пор, как Мэй сбил грузовик. У нее не было серьезных ран, только царапины, но она почему-то никак не приходила в себя.

Обычно я ответил бы как-нибудь благоразумно. Пусть она и мачеха, у нас с ней хорошие отношения, так что проблем нет. Но почему-то я ответил лишь «Ладно» и бросил телефон на кровать.

За окном уже стемнело, часы показывали полночь. Отец еще работал, а мать приглядывала за Мэй в больнице. Я решил, что будет лучше закончить все к возвращению отца, потому поспешил вниз.

В тот день я был полон ожиданий. Когда белый кот выпрыгнул передо мной на дорогу, я решил, что вот-вот увижу, как его собьют и превратят в кровавое месиво. И готов был биться об заклад, что кровь брызнет из него, мгновенно окрасив шерсть. Ярко-красный цвет чудесно смотрелся бы на белом.

Мое сердце переполняло воодушевление, я предвкушал, как существование кота сейчас прекратится. Однако сбили Мэй.

И вот три дня спустя я спускался по лестнице нашего дома, а та сцена так и стояла у меня перед глазами. Как Мэй неслась прямо к центру пешеходного перехода. И как моя рука, пытавшаяся схватить ее, безвольно повисла. Сбитое грузовиком тело закружилось в воздухе. Сестра не отвечала мне, пока я звал ее, а из ее головы текло что-то красное.

Вспомнив об этом посреди спуска, я остановился. Затем встряхнул головой, даже зная, что это бесполезно, и направился к входной двери.

Я не мог понять поступков Мэй. Но сейчас не мог понять даже себя. Это пугало до дрожи. Я кинулся в сад.

Меня взбесила моя беспомощность в тот момент, когда Мэй сбили. И мне не понравилось, что ее вообще сбили. Хотя я не был уверен, что именно мне не нравилось: то, что ее сбили, или то, что она не умерла. В этот момент меня впервые в жизни накрыла такая душевная боль, что это пугало. Меня словно преобразило против моей воли, и это было больно, очень больно, я чувствовал себя тяжело больным.

Я жадно потянулся к своей коллекции, спрятанной под крыльцом. Чем скорее я всех поубиваю, тем легче станет в груди.

С этой мыслью я открыл коробку. Там лежало множество едва живых насекомых, пришпиленных булавками, от голода пожирающих друг друга и отчаянно пытающихся как-то выжить.

До сих пор разглядывание содержимого коробки смывало прочь мою усталость и неприятности. Но сейчас даже это меня не успокаивало. Боль тоже не утихала.

Перед тем, как сестру сбил грузовик, Мэй посмотрела на меня. Ее наивное и растерянное лицо запечатлелось в моем мозгу и с тех пор его не покидало. Это лицо после ее падения было белым как полотно, лишь красная дорожка на лбу была отчетливо яркой.

Рев клаксона и тот момент, когда тело Мэй медленно подкинуло в воздух, словно круша ее плоть и кости, проигрывались в голове снова и снова, снедая меня изнутри.

Чтобы избавиться от этих мыслей, я ударил кулаком по коробке. Рука медленно стала влажной, насекомых внутри смело. В любой другой момент я бы обрадовался, но сейчас я растерял весь кураж, а тело лишь холодело от воспоминаний о Мэй, которую сбили. Эти воспоминания становились настолько отчетливыми, что я словно видел галлюцинации.

До сих пор такого никогда не случалось. Непонятно. Неприятно. Сердце болело. Исчезнет ли эта боль, если я буду издеваться над этими тварями до тех пор, пока не буду удовлетворен? Я не знал. Я не знал даже того, буду ли рад, или же почему моя грудь болит. И продолжал колотить кулаком снова и снова.

На следующий день Мэй внезапно выздоровела. Она вернулась совершенно здоровой и звонко смеялась, и, хотя мне следовало вести себя с ней бережно, я впервые на нее накричал, чувствуя какой-то странный дискомфорт.

<http://tl.rulate.ru/book/79653/3312089>